
Перевод А.Франковский

М., "Правда", 1982.

OCR & spellcheck by HarryFan, 6 July 2001

КНИГА ПЯТАЯ. ЯРМАРКА НА ПЛОЩАДИ

ДИАЛОГ АВТОРА СО СВОЕЙ ТЕНЬЮ

Я. - Да ты не об заклад ли уж побился, Кристоф? Решил поссорить меня с целым светом?

Кристоф. - Нечего притворяться удивленным. С первого же мгновенья ты знал, куда я тебя поведу.

Я. - Ты критикуешь и критикуешь, нельзя так. Раздражаешь врагов и смущаешь друзей. Разве тебе не известно, что хороший вкус предписывает не замечать не порядков в приличном доме?

Кристоф. - Что поделаешь! У меня нет вкуса.

Я. - Да, я знаю: ты просто дикарь, то и дело попадаешь впросак. Они объявят тебя врагом всех и вся. Ты ведь уже в Германии прослыл германофобом. Во Франции ты прослывешь франкофобом или - что еще серьезнее - антисемитом. Берегись, не трогай евреев. "Они сделали тебе слишком много добра, чтобы ты имел право говорить о них дурно..."

Кристоф. - Почему же мне нельзя высказать все то хорошее и плохое, что я о них думаю?

Я. - Ты говоришь о них преимущественно плохое.

Кристоф. - Потом будет хорошее. Почему нужно щадить их больше, чем христиан? Если я воздаю им полной мерой, значит, они того заслуживают. Я не забываю их роли, ибо они заняли почетное место на авансцене нашего клонящегося к упадку Запада. Некоторые из них несут смертельную угрозу нашей культуре. Но я помню, что другие обогащают нашу энергию и нашу мысль. Я знаю, сколько еще величия в этой нации. Я знаю их способность к самопожертвованию, их гордое бескорыстие, их страстное стремление к лучшему, неутомимую деятельность, упорный и незаметный труд многих тысяч из них. Я знаю, что в них живет бог. И потому-то я негодую на тех, кто отрекся от бога, кто, ради позорного преуспевания и низменного благополучия, предаст свой народ. Бороться с ними - это значит выступить против них же на стороне их народа, точно так же, как, нападая на продажных французов, я защищаю Францию.

Я. - Милый мой, ты суешься не в свое дело. Вспомни, как не терпится жене Станареля, чтобы ее отколотили. Не суйся, куда не следует... Дела Израиля нас не касаются. А Франция - как Мартина: согласна, чтобы ее прибили, но не выносит, чтобы ей говорили об этом.

Кристоф. - И все же нужно говорить ей правду, особенно, если ее любишь. Кто скажет правду, если не я? Ведь не ты же. Все вы связаны между собой сложившимися в обществе отношениями, необходимостью считаться друг с другом, все вы щепетильны. А я ничем не связан, я не принадлежу к вашему миру. Никогда я не участвовал ни в ваших кружках, ни в ваших распрях. Ничто не обязывает меня поддакивать вам или быть вашим соучастником в заговоре молчания.

Я. - Ты чужеземец.

Кристоф. - Ах да, я и забыл, что немецкий композитор не имеет, по-вашему, права судить вас и не способен вас понять. Допустим. Я, быть может, заблуждаюсь. Но, по крайней мере, я скажу вам то, что о вас думают некоторые великие чужеземцы, ты знаешь их не хуже меня, - величайшие из наших мертвых и наших живых друзей. Если даже они заблуждаются, все равно полезно знать, что они думают: это может пригодиться. Во всяком случае, лучше так, чем самим убеждать себя, как это принято у вас, что весь мир восхищается вами, и самим то восхищаться собой, то поносить себя. Какой толк кричать в погоне за модой, что вы величайший народ мира, и в то же время - что латинские нации безнадежно хиреют; что великие идеи исходят из Франции, и в то же время - что вы годны лишь забавлять Европу? Не следует закрывать глаза на подтачивающий вас недуг, но не следует и падать духом; напротив - вас должна вдохновлять мысль о борьбе за жизнь и честь вашей нации. Кто почувствовал жизнестойкость этой нации, которая не желает умирать, тот может и должен смело обнажать ее язвы и ее смешные черты,